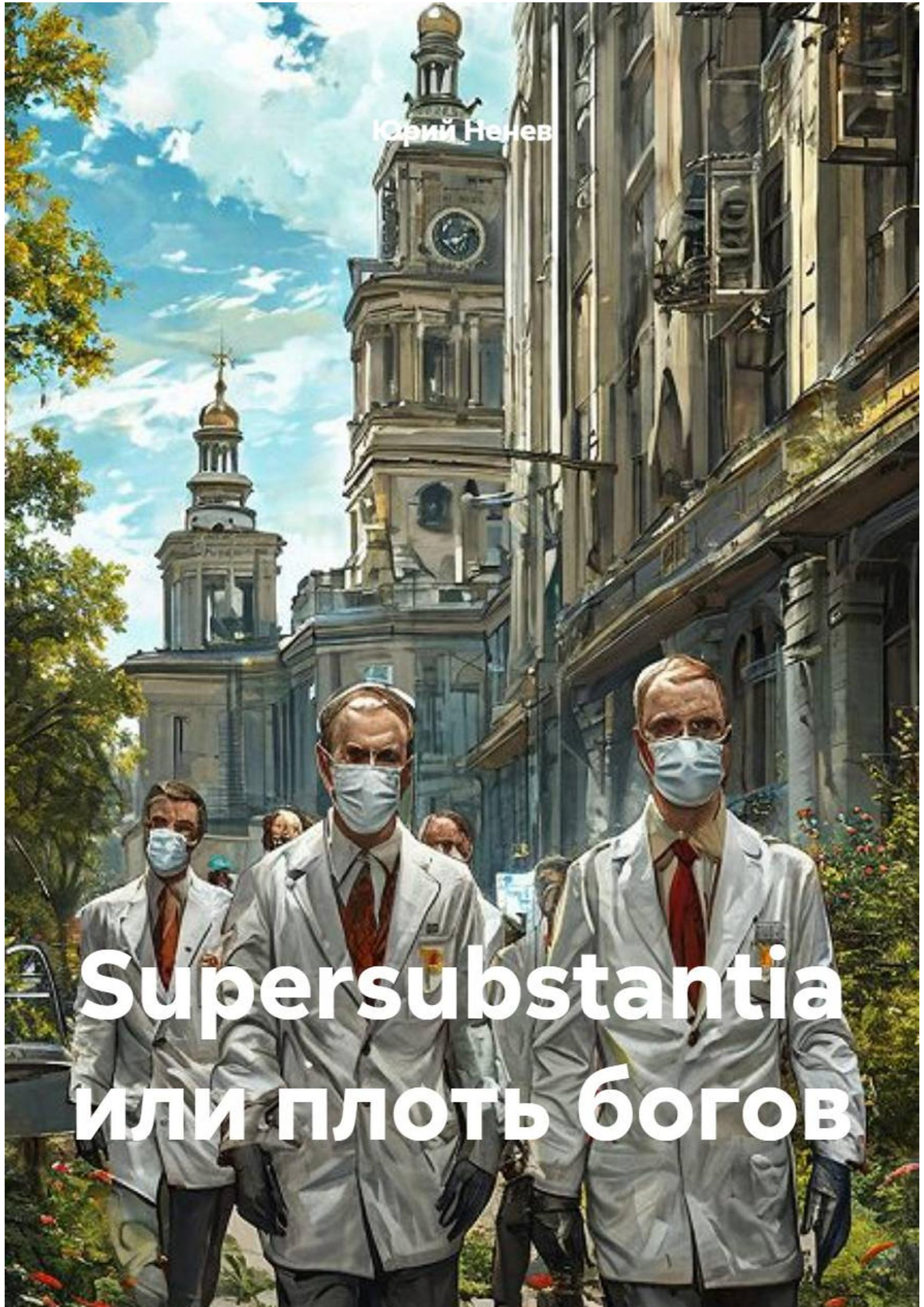

Юрий Ненев

Supersubstantia или плоть богов

Юрий Ненев

Supersubstantia или плоть богов

«Автор»

2026

Ненев Ю. В.

Supersubstantia или плоть богов / Ю. В. Ненев — «Автор», 2026

Размеренная жизнь работников министерства медицинского обеспечения омрачается эпидемией безумия, поражающая одного за другим. По-советски гиперрациональные учёные и их знакомые внезапно превращаются в сумасшедших. Некоторым безумие стоит жизни. Что стоит за чередой загадочных событий? Неудачный медицинский эксперимент самих учёных или психотронное оружие агентов иностранных разведок? Разгадать нелёгкую задачу берутся два конкурирующих ведомства - МВД и КГБ, между лидерами которой ведётся борьба за наследие неумолимо угасающего генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева.

© Ненев Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Юрий Ненев

Supersubstantia или плоть богов

Глава 1

Петерис Жентинь отхлебнул немного апельсинового пунша, отставил стакан в сторону, и снова принялся за игру. Расхаживая вокруг бильярдного стола, он прицеливался для удара. Его соперник – коллега по работе Рихарт Херманс играл пальцами по древку своего кия, будто заранее знал, что Жентинь неминуемо оплошает. Расположение шаров действительно не внушало надежды, Петерис начинал нервничать.

- Ну, что, дружище? Сдаёшься? – победоносно улыбался Херманс.

- Ход сейчас мой: чем бы он не закончился – всё равно сыграю партию до конца.

Произнося это, Жентинь поставил на край стола кий, прицеливаясь под один из шаров. Петерис максимально сконцентрировался, приготовился бить. Его руки стали немного дрожать, в глазах помутнело. Мужчина снова потянулся к своему пуншу, который привёл его в чувства, затем опять вернулся к игре. Легонький щелчок кия, и намеченный шар разбил положение остальных. Удар оказался удачным: аж целых три шара оказались в лунках.

- Браво, Петерис! Теперь можно сказать, что ты научился играть в бильярд! – Аплодировал Рихарт Херманс.

Дверь в бильярдный зал распахнулась, и на пороге показалась женская фигура. В полусумраке трудно было разглядеть лицо, но определенно точно на женщине не было никакой одежды, кроме белого кружевного фартука и чепчика в волосах. В руках она держала металлический поднос с напитками. Практически обнаженная красавица кокетливо вошла в игровой зал, стуча каблуками белых туфель, и поставила поднос перед Хермансом. При тусклом свете лампы, освещавшей бильярдный стол, Петерис Жентинь наконец увидел лицо женщины. Ею оказалась казначей научно-экспериментального отдела Инна Пумпур, к которой он был равнодушен. Уже больше года Петерис добивался расположения коллеги, но Инна его как будто не замечала. Кроме того, он знал, что ровно тем же самым был занят и его соперник по бильярдной партии Рихарт Херманс.

Инна Пумпур создавала впечатление скромной девушки, практически неприступной, и в чём-то суховатой по складу характера. То, что она работала казначеем, вечно копаясь бумагах, счетах, чеках, высчитывала скучные ряды скучных цифр, усиливало такое впечатление о ней. Петерису было известно, что Инна любила посещать нудистский пляж, расположенный не так далеко от ее дома – в Ленинградском районе. Это было можно понять – многие горожане так отдыхали, но такой звенящей пошлости и вульгарности как дефилировать в таком виде в помещениях клуба культуры от Инны Петерис никак не ожидал. Что это за дурацкий фартук и чепчик продавщицы гастронома? К чему этот мерзкий маскарад?

Девушка с пренебрежением глядела на Жентиня. Петерис никак не мог придумать, чем ответить, поэтому молча, обнимая бильярдный кий, глядел, как девушка заигрывает с Рихартом.

- Инна, это клуб культуры, а не баня: ты бы оделась. – заявил Жентинь.

- Тебе какая разница? – резким тоном ответила роковая кокетка.

- Ничего. Можешь ходить голой по улице сколько угодно. – бурчал раздосадованный молодой человек.

- Видимо, наша партия на сегодня закончена. – прервал обоих довольный положением Рихарт Херманс.

- Верно: с бильярдом на сегодня закончим. Твоя горничная уберёт мой стакан! – злобно бросил Петерис двум любовникам, осушив стакан с пуншем. После этого Жентинь шлёпнул кий о бильярдный стол, и, чеканя шаг, покинул зал.

Мужчина был уязвлён. Казалось бы, слабый алкогольный пунш ударил в голову. Петерис выбежал на крыльцо клуба культуры. Территория санатория для работников министерства здравоохранения и медицинской промышленности уже погрузилась в ночную мглу. Неподвижно чернели ели, на аллее напротив благоухали цветущие каштаны. Где-то вдали спала в ночи Юрмала, продуваемая ветрами Рижского залива. Вокруг никого – только ночь и холод.

У Петериса при себе не было ни куртки, ни пиджака, поэтому он начал зябнуть. От холода он даже опустил рукава рубашки. Мужчина решил побыстрее покинуть злосчастный клуб культуры и быстрым шагом двинул по едва освещаемой уличными фонарями, каштановой аллее в сторону своего жилого корпуса. Чувство досады не отпускало Жентиня. Нашупав в карманах брюк пачку сигарет и коробок спичек, он закурил. Яркий табачный дым ударял в нос вместе с запахами цветения каштанов и смолы багульника. Эта ночь была бы прекрасна, если бы не ужасный холод и выбор Инны.

Петерис добрался до конца каштановой аллеи, и вышел к трёхэтажному блоку санатория с открытыми балконами, где находился номер Инны. До своего блока было нужно идти дальше вперед по лиственничной аллее, затем свернуть вправо, и потом еще вправо.

Холод был настолько назойлив, что начал выводить Петериса из себя. Он брёл в свой номер в полном одиночестве, намечая план дальнейших действий. Нужно только переночевать, а в девятом часу утра он обязательно соберет вещи и выпишется из санатория: еще целую неделю наблюдать за романом Инны и Рихарта – настоящая пытка. Стили Петерису подумать об этом, как сердце начинало барабанить о грудину. Жентинь решил выкурить еще одну сигарету. Достав пачку, он удивился: у него в кармане лежал «Космос», а не «Столичные», которые были буквально несколько минут назад.

Петерис остановился у посадки маленьких ёлочек, втягивая сигаретный дым. Бледные облачка медленно поднимались вверх в ночное балтийское небо. Стоя на бордюре, Жентинь обернулся и бросил окурочек на газон. В ту же секунду он заметил под одной из елок что-то яркое. Мужчина пригляделся: это была спящая рыжая собака.

«Хорошо, что я в нее окурочком не попал». – подумал про себя Петерис, пошагав дальше.

«Хотя... откуда на территории санатория собаки?»

Каково было удивление Жентиня, когда на газоне с посадками ёлочек оказались и другие собаки, причем все рыжие. Одни спали, другие бродили в ночи, мельком поглядывая на мужчину. Петерис насчитал не менее десяти особей.

«Бродячие – не иначе! Куда смотрит администрация министерского санатория, когда у них под носом разгуливает стая бездомных животных?» - думал про себя Жентинь, который боялся собак. От мужчины пахло алкоголем, а это могло спровоцировать животных на нападение.

Петерис шел, не оглядываясь на собачью стаю: только не бежать – в противном случае у бродячей стаи сработает инстинкт преследования. Обливаясь потом от страха, мужчина дошел до поворота, затем, когда скрылся из вида собак, бросился бежать, что есть мочи. В груди не хватало воздуха, Петерис тяжело дышал. Он по максимуму прилагал физические усилия, однако, чем быстрее он пытался бежать, тем медленнее у него получалось. Тем не менее, Жентинь всё же добрался до своего жилого блока. Тут уже никаких собак не было. Можно было остановиться и еще разок закурить.

«Даже поезда ждать не буду: поймаю такси и в Ригу. Ни минуты больше здесь не останусь!» - вернулся к своим мыслям Петерис. Он мельком взглянул на пачку сигарет: «Герцеговина Флор».

«Что за дьявол? То ли так темно, что я не могу разобрать написанного на пачке, то ли я схожу с ума! Ах! Чёртов пунш!»

Бросив окурочек в урну, Петерис начал подниматься по лестнице, ведущий в холл гостиничного блока. Лестница казалось нескончаемой, будто молодой человек поднимался не на

крыльцо жилого блока санатория, а на вавилонский зиккурат или пирамиду мексиканских индейцев. Но, наконец, электрический свет холла.

Поднявшись в номер, Петерис заметил, что за окном начало рассветать. Всё ярче наливались сапфирными красками ели под окнами блока, запели первые утренние птицы. Серебристые звезды сверкали вместе с уличными фонарями. Где-то за горизонтом – над Ригой уже вошла золотая заря, и теперь медленно наползала на Юрмалу.

В коридоре послышались голоса: гостиничный блок ожил. Не теряя времени, Жентинь принялся собирать чемоданы. У двери его номера на удачу оказалась тележка для чемоданов, а учтивый служащий согласился спустить вещи на первый этаж. Теперь всё: Петерис прошелся по номеру, оглядел всё вокруг, чтобы ничего не забыть, и направился в сторону выхода. Именно в этот момент форточка окна с шумом отворилась, и порыв ветра раздул занавеску... Жентинь проснулся...

- Молодой человек лежал на тахте прямо в уличной одежде и башмаках. Из распахнутого окна в пыльную комнату рвались потоки солнечного света и летнего тепла. С улицы доносились крики детворы, из-за входной двери квартиры слышались голоса соседей. Петерису казалось, что его голова распухла, надулась, будто каучуковый шар. Поднявшись с тахты, хозяин квартиры пошагал в коридор, затем вошел в ванную комнату, чтобы умыться. Холодная вода быстро приводила Жентиня в чувства.

«Стало быть, это всего лишь сон... Какой же бред мне снился: не нужно было вчера после работы пить этот чёртов апельсиновый пунш Херманса. Что он там намешал? Белены или волчьих ягод?»

Допустим, санаторий от министерства медицинской промышленности в Юрмале, в котором мы отдыхаем всей конторой, мог присниться. Но голая Инна... бильярд! Я ведь даже играть в него не умею!»

Петерис сунул руку в карман брюк, где во сне у него лежали сигареты и коробок спичек: карман оказался пуст.

«Три марки сигарет за одну ночь – ну и наваждение! Я уже и курить давно бросил: только по молодости в институте баловался. Всё как наяву... стая бездомных рыжих собак, странная лестница, каштаны вообще должны уже отцвести».

Молодой человек вышел из ванной комнаты в коридор, и увидел у себя дома детскую коляску.

«Что за чёрт?! У меня нет детей, и живу я в квартире один!»

Петерис заглянул в коляску – она была пуста. Из-за входной двери отчетливо была слышна ругань соседей.

- Я похож на сумасшедшего? Или, по-твоему, детская коляска размером с иголку? Её у нас украли! Украли! Это я точно тебе говорю. – кричал сосед. Его жена настаивала на своем и утверждала, что коляска не могла исчезнуть с лестничной площадки.

Петерис прислонился ухом к двери, затем посмотрел в глазок. Соседская супружеская чета скрылась у себя в квартире, продолжая скандалить. Жентинь вспомнил: эта самая коляска, которая сейчас почему-то у него дома, принадлежит им. Только как она оказалась тут? Пока супругов не было, Петерис тихонько открыл входную дверь своей квартиры и также бесшумно выкатил пропавший предмет быта на лестничную клетку. Немного подумав, он спустил ее на пролет между этажами – пусть супруги думают, что оставили ее там, или она просто скатилась. Затем Жентинь снова скрылся в своей квартире.

- Да вот же она! Говорю тебе: ты или плохо смотрел, или она скатилась с лестницы. – обрадовалась находке соседка.

- Тогда где бутылки? У нашей двери стоял целый мешок, за который на пункте приема стеклотары мы бы получили хорошую сумму денег. – продолжал бубнить муж.

- Наверное, ты ее вынес куда-то и забыл. – объясняла жена.

- Я не идиот. Кто-то украл у нас бутылки. В этом я не сомневаюсь. Или на крайний случай некий негодяй решил разыграть нас.

- Давай соседям позвоним. Вот квартира доктора.

Раздался звонок. Петерис покряхтел, нарочно постучал башмаками о паркет, будто идет откуда-то из дальней комнаты.

- Доброе утро. Чем могу быть полезен? – делал учтивый вид Жентинь.

- Простите, что отвлекаем вас в ваш выходной... вопрос может показаться дурацким: но вы случайно не видели мешка с пустыми бутылками возле нашей входной двери? Или, может, кто-то проходил мимо наших квартир?

- Не имею привычки следить за чужими вещами... а кто должен тут проходить?

- Даже не знаем. Может, подростки...

- Не видел и не слышал ничего подозрительного. – ответил Петерис.

«Надеюсь эти бутылки не у меня дома». – подумал про себя молодой человек, осмотрев квартиру. На этот раз ничего чужого у него не было.

После завтрака Жентинь решил прогуляться, и заодно заглянуть в гастроном. Набрав немного продуктов, Петерис прошел к кассе. Продавщица в белом чепчике и кружевном фартуке, точно таких же, как во сне у Инны Пумпур, о чём-то трепалась с подругой. Стоило молодому человеку положить продукты перед кассой, как подруга продавщицы обернулась на него, и гневным взором оглядела с головы до ног. Петерис начал припоминать: лицо женщины показалось ему знакомым, и не спроста – это была продавщица этого гастронома, у которой сейчас, видимо, выходной, и она пришла к коллеге в гости.

- Вот он. Это про него я тебе рассказывала. – кивнула женщина продавщице.

- Проспался, алкаш? – резким тоном бросила она Петерису. Тот даже не знал, что ответить.

- Я? – смущенно переспросил Жентинь.

- Да, ты! Я понимаю, что вчера пятница была, но закусывать не забывай в следующий раз. И еще: меня Ирма зовут. Понял? Ирма!

- Будем знакомы. – пробубнил под нос Петерис.

- Ты вчера вечером нёс какую-то ерунду, и называл Ирму Инной. – поясняла продавщица.

- Не помнишь что ли? Точно алкаш... хоть и молодой... и даже одет прилично...

«Не может быть!» - подумал про себя Петерис, начиная догадываться, что пребывал до сегодняшнего утра в некоем безумии.

- Ты еще отчитывал ее за то, что она голая за прилавком стоит... что-то про баню нёс.

- добавила продавщица

- Ненормальный! Извращенец! А про бильярд ты что говорил - тоже не помнишь? – с пренебрежением говорила Ирма, у которой вчера в гастрономе была смена.

- Какой еще бильярд? – с ужасом о себе узнавал молодой человек, понимая, что вчерашний вечер бродил по району в состоянии сомнамбулизма.

- И этого не помнишь? Банки с перцем разворошил на прилавке, пытаюсь играть ими в бильярд. И едва яйца все не побил, если бы я вовремя не подскочила. – рассказывала Ирма.

- Тогда прошу прощения!

- «Торпеду» что ли зашил бы себе. – советовала продавщица Петерису обратиться за помощью к наркологу, выдавая покупателю продукты и чек.

Идя обратно домой, Жентинь размышлял про себя:

«Больше не буду пить. Так недолго и в вытрезвителе оказаться, или вообще в сумасшедшем доме. Что же со мной произошло? Лунатизмом обычно дети страдают, но я уже давно не ребёнок – мне полных тридцать лет. Эх! С молодости на меня алкоголь излишне дурно влиял. Теперь понимаю как у соседей пропала коляска – в состоянии сомнамбулизма я вкатил ее себе

в квартиру, потому что мне снилось, что я в гостиничном номере санатория, и тамошний служащий прикатил мне тележку... всё! Больше не капли в рот!»

Глава 2

До звонка будильника оставалось еще около часа, когда Петерис Жентинь проснулся от ощущения жара и покалывания мелких огоньков по всему телу. Он открыл глаза, веки зудели. За полупрозрачной шторой окна уже начинало синеть утро, врываясь своей лазурью в сумрак комнаты. Подушка за ночь промокла от пота, кожа головы зудела, и, казалось, от этого чувства волосы были готовы покинуть голову. Петерис лежал в постели еще около десяти минут, скребя ногтями пальцы рук. Затем он поднялся. В комнате было прохладно, из распахнутой форточки дул ветер, который за ночь наполнил помещение ароматами цветущих кустов сирени, которые росли под окнами.

Петерис посмотрел на стрелки циферблата будильника: так рано он уже давно не проснулся. Мужчина подошел к окну, отодвинул занавеску. Густой запах сирени ударил ему в нос, Петерис стал чихать. Остатки сна окончательно оставили его, и он вспомнил, что вечером, ложась спать, забыл запереть форточку, и теперь из-за этой оплошности на него вновь навалилась давнишняя хандра. Жентинь был аллергиком: с того момента, как отцветала черемуха, и начинала цвести сирень, его болезнь обострялась. Также Петериса каждое лето изматывал тополиный пух и цветущая береза. Его работа, находящаяся в центре города, где растительности довольно мало, была спасением, но каждый раз нужно было возвращаться домой на зеленую окраину.

С приступом аллергии нужно было что-то срочно делать. Петерис зажег свет, и помчался на кухню. Пока чайник медленно сопел на плите, хозяин квартиры лихорадочно шарил в шкафчике кухонного гарнитура. Можно было сказать, что лекарств в доме Жентиня было немного, если не брать ворох пачек разных противоаллергических средств. Петерис по профессии был фармакологом, поэтому сам на себе опробовал практически всё, что выпускала советская медицинская промышленность для борьбы с назойливым недугом по имени аллергия. Жентинь выгрыз зубами из бумажной пачки две таблетки, запил их холодной водой из графина. Через несколько минут стало легче: по крайней мере глаза перестали зудеть – а это важно: ведь на работу нужно было добираться на машине.

Выходя из дома, Петерис прихватил с собой сетку с пустыми бутылками – их он планировал сдать на пункте приема стеклотары: тогда еще было утро, поэтому вряд ли будет большая очередь. Тем более, что пункт приема находился за углом улицы, где жил Петерис. Пока прогревался двигатель новенького бордового «Москвича» 40-й модели, Жентинь решил положить стеклотару в багажник. Открыв крышку, он увидел целый мешок пустых бутылок, банок и разных склянок. Часть из них, судя по этикеткам, была с ближайшей молочной кухни. Это означало одно: пропавшая стеклотара соседей найдена, и почему-то она лежит в багажнике автомобиля Петериса. Субботнее наваждение опять дало о себе знать. Жентинь мысленно ругал себя за то, что в пятницу проявил слабость и решил напиться этого проклятого пунша: на него и без того алкоголь влиял дурнее, чем на остальных, а тут еще аллергия и таблетки от нее. Но от чужого нужно скорее избавиться. Правдивый рассказ о том, как стеклотара оказалась в его машине был бы неубедительным и крайне странным. Тогда бы правда сыграла не на пользу Петерису: его репутация точно была бы основательно подорвана в глазах соседей. И это только касательно ситуации с пустыми бутылками: вечером в пятницу Жентинь уже «отличился» в районном гастрономе: не факт, что эта история уже гуляет по району как байка.

Времени было достаточно, поэтому Петерис решил, первым делом, поехать на пункт приема стеклотары. Вырулив на простор улицы Августа Деглава, «Москвич» Жентиня неторопливо покатился в сторону перекрестка с улицей Дзержинского. Повернув направо, автомобиль поднабрал газа, и довольно быстро очутился у желтого двухэтажного здания, обнесенного зеле-

ным металлическим забором. Петерис оказался прав: очереди еще не было – только парочка стариков, которые рано просыпаются. Вытащив охапку изделий из стекла, Жентинь, ковыляя плюхнул свой груз на деревянную полку приемного пункта. Тамошние сотрудники всегда были полусонные, особенно утром. Они неторопливо принимали стекло, вялыми руками заполняли квитанции, и лениво щелкали костяшками счет. Когда очередь дошла до Петериса, чувство лени и приступ нерасторопности еще больше навалились на приемщиков стекла. Стоически выполнив все подсчеты, сотрудница оторвала кусок квитанции и шлепнула несколько монет на стол.

- Пересчитайте и распишитесь. – сухо сказала она. Петерис с чувством облегчения пересчитал деньги: сумма оказалась аж целых семнадцать рублей сорок копеек. Мужчина довольно улыбнулся, поставил закорючку росписи на бланке и хотел уже уходить.

- Петерис, доброе утро! Вот не думал, что ты в такую рань в будний день будешь тут! – окликнул сзади мужчину знакомый голос. Жентинь обернулся и увидел соседа по лестничной клетки – того самого, который в субботу искал детскую коляску и мешок со стеклотарой.

- И тебе доброе утро, Марис! Я тоже удивлен, что ты тут.

- Ничего удивительного в этом нет: я же работаю сутки через двое или трое. Вот сегодня у меня выходной. Дел много, поэтому решил их начать пораньше, чтобы освободить вечер. О! Сколько получил за стеклотару? – улыбаясь спросил Марис, увидев в кулаке Петериса деньги. Жентинь даже несколько испугался: «нарочно спросил – меня в краже подозревает».

- Семь рублей сорок копеек. – соврал вор.

- Нормально. – Совершенно спокойно ответил сосед, и тут же добавил: - я бы мог получить не меньше двадцати, если бы какой-то негодяй не украл у меня стеклотару из-под двери моей собственной квартиры. Представляешь какая наглость! Небось шпана ночью по подъезду лазила... и куда участковый смотрит!

- Он говорит, что это дело рук подростков? – поинтересовался вор.

- Думаешь мне нечего делать, как только ходить по милицееским кабинетам? Да чёрт с ними с этими бутылками: не вешаться же из-за них, ей богу! – махнул рукой Марис, в то время как сотрудница приемки рассчитывала деньги для мужчины и выписывала квитанцию.

«Скорее бы он получил уже свои чёртовы деньги!» - нервничал, размышляя про себя, Петерис.

- Представляете до чего наши люди уже дошли?! – внезапно обратился Марис к сотруднице приемки. – Уже стекло воруют! Я бы еще понял, если кошелек на улице или даже у подъезда дома нашли, но, чтобы покушаться на пустые склянки!

- А я слышал от коллеги по работе историю, что в подъезде его дома хулиганы стеклянную дверь подъезда разбили. Когда жильцы выбежали на шум – уже никого: ни хулиганов, ни осколков от двери. – на скорую руку придумал историю Петерис, взяв Мариса под руку, выводя его поскорее из пункта приема стеклотары.

- А вот тут самое оно заявить в милицию! – поддержал разговор сосед.

- Тебя подбросить? – продолжал Петерис, желая поскорее убраться подальше отсюда Мариса.

- Не буду против, если ты не спешишь! – обрадовался мужчина. – Мне до Московской улицы: на пересечении трамвайных путей контора одна есть – мне туда.

Петерис корил сам себя: мало того, что вляпался в алкогольную историю с последствиями, теперь еще придется опоздать на работу. Но делать было нечего: тем более, что довольный положением Марис, усаживался на переднее пассажирское сиденье «Москвича».

Жентинь с досады пнул колесо автомобиля, нервно распахнул дверь и плюхнулся в водительское кресло. Повернув ключ зажигания, он посмотрел на часы: «точно опоздаю!»

- Это же соседний район, если не ошибаюсь? – переспросил Петерис, надеясь в душе, что у назойливого соседа возымеет совесть, и он решит самостоятельно добраться куда ему надо.

- Да: Московский район. Я покажу, где эта контора. – уверенно ответил Марис.

Теперь уже не отвертись: Петерис снял машину с ручного тормоза, включил первую передачу, и автомобиль, взревев двигателем, понесся по просыпающимся солнечным улицам Риги.

Когда Жентинь поворачивал с оживленной, прямой как стрела, улицы Ленина на территорию внутренних дворов Министерства медицинской промышленности Латвийской ССР, он понял, что опоздал минут эдак на тридцать. Пока проверят пропуск, и пока он сумеет воткнуть свой «Москвич» в свободный угол, пройдет еще не менее десяти.

Чтобы не попадаться на глаза начальству, Петерис мышью просочился через черный вход в здание министерства, где в это время курили клерки. Словно шальной, перескакивая через ступеньки, Жентинь нёсся к крылу, где располагался отдел фармации.

- Петерис Гуннарлович! Потрудитесь напомнить мне: во сколько начинается у нас рабочий день? – неожиданно за рукав кожаного пиджака схватил Жентиня шеф.

- Прошу прощения, Анатолий Сергеевич. Я в курсе...

- Я задал вопрос: во сколько начинается у нас рабочий день?

- В восемь тридцать.

- Сейчас уже девять пятнадцать. Я дважды заходил за вами сегодня, но на рабочем месте не застал. Я бы еще понял, если бы вы опоздали на пять... пускай пятнадцать минут – пустяки! Но не на сорок пять же!

- Прошу прощения, Анатолий Сергеевич. Дело такое... по здоровью...

- Тогда бы взяли больничный и не морочили нам голову: а то приходится вас разыскивать по всем этажам! – сбавлял тон начальник.

- Это всё моя аллергия. Пустяки! Не брать же больничный из-за нее!

- Давай уже серьезнее, Петерис! Иди работай... кстати... насчет аллергии... тебя Инна Арвидовна искала, просила зайти. – прощал начальник подчиненного, убегая куда-то по своим делам.

- Бегу, Анатолий Сергеевич! – вдвойне обрадовался Жентинь: во-первых, шеф сменил гнев на милость, а, во-вторых, Инна сама его разыскивала.

Петерис не стал затягивать. Мельком поздоровавшись с коллегами, сел за свой рабочий стол, и стал сортировать бумаги и папки. Он догадывался по какому поводу его искала Инна. Пумпур работала тут же: в министерстве медицинской промышленности, только в экономическом отделе. В ее полномочия входили все расчеты в иностранной валюте, валютные чеки, и финансовые операции с иностранными резидентами. Как раз этим летом должна была собраться ведомственная делегация для зарубежной поездки в Финляндию. Задача была в том, чтобы составить торговый проект по продаже медицинских препаратов, произведенных в Латвийской ССР. Разумеется, Петерис работал по своей теме – контроль и клинические испытания противоаллергических средств.

- Что улыбаешься, Петерис? – внезапно спросил Жентиня Рихарт Херманс, который в это время вошел в кабинет со стаканом газировки.

- Я? – удивился Петерис.

- Ну не я же! Конечно, у меня есть повод улыбнуться: нам у лестничного холла все же установили новый аппарат с газировкой – теперь там не только обычная минералка и приторный вишневый сироп. Вот это неплохая вишневая газировка! А еще есть с грушевым и яблочным вкусом.

- Пуншем не зарядили? – усмехнулся Петерис.

- А что? Мой пятничный пунш был плох? Первый раз вижу человека, которому он не понравился! – недовольно заявил Херманс, дергая пальцами сползавшие с его плеч подтяжки.

- Отменный пунш, Рихарт! Только у меня голова всю следующую субботу болела. И тут твоей вины нет: просто я всегда плохо переносил алкоголь.

- Это из-за апельсинового компота у тебя голова разболелась, Петерис? – расхохоталась Дита Сиетниекс, оторвавшись от клацанья печатной машинкой. – Не интересно с тобой, друг! Слабенький ты!

- Во мужики пошли! Ноги подкашиваются у них от пары стаканов пунша! – поддержала коллегу Алина Дитмарс. – Уж на что я... частенько голова от спиртного болит, но для этого и выпить нужно прилично: рюмки две водки или коньяку.

Петерис искоса посмотрел на Алину: высокая, угловатая, с широкими плечами. Единственное, что в ней было женственное, так это красивые, стального цвета глаза и натуральные, пышные, ярко-рыжего цвета волосы. Разве может такую пронять вообще что-либо?

- Тренироваться нужно больше, тогда и голова болеть перестанет. – советовала Жентиню Дита. Вот по ней сразу заметно, что «тренируется» часто: она выглядела несколько старше своих лет, ее желтоватую кожу лица уже начали испещрять разломы мимических морщин. Кожа над переносицей собиралась в хмурую складку. Да и вообще Дита выглядела несколько одутловатой. Ее большие красивые с янтарной радужкой глаза портили дряблые морщинистые веки. Крупные зубы широкого рта начали желтеть. Поэтому Дита не вызывала особых симпатий со стороны коллег мужского пола.

- Не верю! Как человек, имеющий диплом фармацевта, кандидат медицинских наук и соискатель докторской – не верю! – решительно мотнул головой с обвисшими щеками и индюшачьей складкой под подбородком Рихарт.

- Не клясться же мне на крови! – развел руками Петерис, вешая пиджак на спинку стула.

- Пожалуйста: поподробнее, коллега! Мне интересны клинические проявления употребления домашнего апельсинового пунша. Ничем не смешивали? – подскочил Херманс к Жентиню.

- Да что ты пристал ко мне со своим пуншем? Если я его не буду пить, то тебе больше достанется.

- Я же шучу! – усмехнулся Херманс, скорчив умильную гримасу. – Но все равно не верю, что от слабенького алкоголя могла разболеться голова.

- У меня она снова заболит, и я снова буду не спать всю ночь, если ты не оставишь меня в покое. – отрезал Петерис, перекладывая папки с места на место.

- Не мешай ему: его вызывает... она... - иронично сказала Хермансу Дита Сиетниекс.

- Кто? Пумпур что ли? Петерис: тебе нравится эта валютная моль? – развивала тему Алина.

- А ты в таком случае рыжая кукла! – не выдержал такого комментария об Инне Рихарт.

- А я что? Я так и думала, что она не настолько светлая блондинка: с пергидролем волосы красит. Сегодня я ее вообще не узнала: волосы потемнели – цветом как солома.

- Цвета анализа по Нечипоренко. – расхохоталась Дита.

- Ну, это уже совсем перебор! Хватит! Решительно не могу слушать эти мерзости! Гадюшник тут устроили... Ты, Дита, кстати сказать, красишься в ее натуральный цвет. - осадил женщин Рихарт, хлопнув ладонью по столу.

- И он туда же! – не уставала от насмешек над Инной Алина.

- Понимаем: у нас целых два холостяка. – продолжала Дина, откинувшись на спинку стула, и покачивая туфлей мыском стопы.

- Я пошел... - сказал Петерис коллегам, и, прихватив папки, направился в сторону двери.

Дверь в кабинет Пумпур была распахнута настежь. Петерис все еще боялся войти, мялся. Легонько постучав по притолоке, Жентинь спросил разрешения войти. Инна только мельком взглянула на визитёра, давая ему понять, что можно пройти.

Петерис тихонько сел на стул возле ее стола. Девушка продолжала что-то писать. Мужчина начинал нервничать. Рубашка покрывалась пятнами пота, в горле начало что-то щекотать.

- Это вы стол трясете? – отпряла от бумаг Инна. В ее зеленых глазах Петерис уловил оттенок холода и безразличия. И еще это «вы»... Несмотря на то, что Жентинь уже не раз давал понять Инне, что пора переходить на «ты».

- Что? – выдавливая из себя голос переспросил Петерис.

- Вы ногой трясете, Петерис! Мешаете мне работать!

«Хотя бы без отчества – и на том спасибо» - подумал про себя Жентинь, опустив ногу.

- Что вы приготовили для проекта товарища Павловского?

- Стало быть, в этой делегации в Финляндию буду я? – обрадовался Петерис.

- Это не ко мне вопрос. У меня задание от вашего шефа: принять все проекты по новым препаратам. Кажется, мы с вами уже обсуждали это. – торопила мужчину Инна.

- Вот. Ничего не изменилось. Материалы давно уже готовы. – положил несколько папок на стол казначея Жентинь. Инна пролистала материалы, что-то сверила по своим бумагам.

- Не подходит. Тема аллергии не подходит. – резюмировала она, сложив руки ладонь на ладонь. – Для Финляндии тема неактуальная.

- Только не говори, что от меня требовалась разработка антибиотиков от туберкулеза! – решил первым разбить стену местоимения «вы» Жентинь. – Надоел уже этот туберкулез! К черту его!

- Между прочим, актуальная тема. – покусывала губу Инна.

- Для кого? Для советской глубинки вроде Таджикской или Туркменской ССР? Даже у нас в Латвии уже туберкулезных больных трудно найти. К восьмидесятому году вообще поставили план, чтобы ни одного нового случая в республике не фиксировалось. Можно понять, если бы мы разрабатывали препараты для Румынии или Польши – там всё понятно. Но не думаю, что в Финляндии с этим проблемы есть.

- А с аллергией? Это же не Сочи и не Гагры! Там нет такого разноцветья: стало быть, и вопрос неактуальный. Это мне говорил лично Анатолий Сергеевич.

- Ты скажи мне, что я должен придумать.

- Я не фармаколог: это твой хлеб, Петерис. Мое дело – продажи.

- Хорошо! Давай встретимся после работы, пройдемся по городу, мозги освежатся, и мы что-то придумаем.

- Ох, Петерис! Только не сегодня... давай? Лучше к выходным... - кокетничала Инна, в очередной раз вводя мужчину в ощущение неопределенности.

- В пятницу, субботу или воскресенье? – нажимал Жентинь

- Только не в пятницу.

- Тогда в субботу или воскресенье?

- Я подумаю... в пятницу тебе скажу да или нет. – ответила Инна.

- В парк или по городу походим?

- Там видно будет.

- Нет. Лучше по городу... - Петерис уже хотел сказать, что не желает свидания в парке, потому что у него обострение аллергии, но в момент исправился, желая угодить Инне: - на Рижский залив можем сходить. Ты же живешь неподалеку – в Ленинградском районе... там нудистский пляж есть...

Инну словно током прошибло. В свою очередь закрыл рот Петерис: его сон с пятницы на воскресенье был такой реалистичный, что он поверил в сновидение, в котором у него была какая-то определенная уверенность, что Инна Пумпур – нудистка. Но ляпнуть такое вслух... это было фиаско...

Инна тоже смутилась. Жентинь не знал о ней этого факта, но Пумпур в действительности была нудисткой, и частенько посещала тематический пляж, расположенный в ее районе города.

- Что?! Ты следил за мной?! – разозлилась девушка!

- Ни в коем случае! Я просто подумал... на карте Риги обозначен этот пляж, а ты там неподалеку живешь... честно, я уже давно не бывал в Ленинградском районе Риги: причин для этого не было. – оправдывался Жентинь.

- Врёшь! Я думала, что ты не такой... Оказывается, что ты из числа тех придурков, которые рыщут по кустам. – отстранялась от Петериса Инна.

- Не правда! Я вообще коммунист: не имею против такого вида отдыха какие-либо предубеждения. Хотя, и не бывал сам на нудистском пляже.

- А давай сразу в гостиницу! Или к тебе домой! Ты же на это рассчитываешь? – всё больше злилась Инна.

- Да ну тебя! Ерунду какую-то говоришь. Можем на органнй концерт в костел сходить... это куда интереснее...

- Коммунист, который в церковь ходит. Не много ли противоречий? Ты в своих фантазиях и вранье окончательно запутался, Петерис!

- Прости! Это все из-за чертовой карты улиц города. Когда изучал ее и увидел Ленинградский район, то вспомнил о тебе... а там вот этот пляж отмечен...

- А ты не знал? Да ладно! Весь город знает, что у нас есть два таких тематических пляжа. Какое открытие!

- Я же говорю: в церкви бывал чаще, чем в таких местах. Ну, так что? Суббота или воскресенье?

- Я подумаю. В пятницу тебе окончательно скажу. – наводила смуту Инна. В это время у открытой двери ее кабинета кто-то закричал. Петерис обернулся и увидел пузатую фигуру Рихарта.

«Этого любителя пунша еще не хватало!» - подумал про себя Жентинь. Ему было хорошо известно, что Херманс тоже, как и он, равнодушен к Пумпур. Но теперь нужно удалиться: Инна приглашала в кабинет Рихарта.

Что касается Херманса, то к его материалам трудно было придраться. Он специализировался на перспективной теме – антидепрессанты. В СССР этот класс медицинских препаратов еще не был настолько распространен, поэтому Рихарт поспешил поскорее занять эту пустующую нишу. Однако, казалось бы, открытый путь оказался тернист. Производственный отдел министерства медицинской промышленности все время ссылался на специалистов министерства здравоохранения, которые скептически относились к разработкам Херманса. В кабинетах соседнего ведомства, расположенного буквально в соседнем дворе, Рихарт понимания не находил. Ученые-психиатры считали, что для утверждения препаратов Херманса не хватает клинической базы и клинических наблюдений. Получалось, что все разработки неминуемо ложились в стол. Рихарт пробовал поступить в докторантуру, но светила медицины боязливо смотрели на него, видя в Рихарте шарлатана. Единственным его шансом была поездка в Финляндию в составе делегации. На научном симпозиуме в Хельсинках, он хотел выступить с докладом, чтобы заинтересовать зарубежных производителей своими наработками: только в таком случае, по мнению Рихарта, в Риге начнут шевелиться.

Расписав в красках свои проекты, Херманс перешел на фамильярности:

- Знаете ли Инна. Я абсолютно не сомневаюсь в успехе нашей делегации в Финляндии. По приезду это стоило бы отметить в Риге.

- Заранее? Дурной знак.

- Я не предлагаю отмечать заранее: просто следовало бы присмотреть хороший ресторанчик в Риге, чтобы потом знать, где звенеть бокалами. Инна, ты дано была в ресторане? – ловко соскочил на «ты» Херманс.

- Давно. – нервно ответила девушка, застигнутая врасплох неожиданным поворотом дел.

- А я знаю один довольно неплохой – недалеко от Рижского мединститута. Вернее сказать – лично там я не был, но один мой хороший друг утверждает, что там отменная югославская

и болгарская кухня. Вроде даже шеф-повар то ли болгарин, то ли югослав. По его рассказу ресторан стоящий – много интересных мясных блюд... настоящих мясных блюд, а не из суповых наборов гастронома. – болтал Рихарт.

- Не приходилось бывать ни в болгарском, ни в югославском ресторане. – заинтересованно проговорила Инна.

- Так в чём проблемы? Почему бы не занять сегодняшний вечер приятной затеей? – продолжал умасливать девушку Рихарт.

- Понедельник – день тяжёлый.

- Вздор! Просто нужно уметь хорошо проводить понедельники. А тут для этого появился хороший ресторан. Мясо на углях... в этом есть что-то естественно-первобытное, языческое.

- Что у тебя с голосом, Рихарт? Решил пародировать Юрия Богатикова? – усмехнулась Инна, заметив, как у собеседника меняется тембр, делаясь похожим на бархатный тенор известного эстрадного певца.

- Да ну тебя! Предлагаю выбраться из пыли кабинета, а она еще ломается! – всплеснул руками Херманс, в красках расписывавший преимущества свидания с ним. Своей полнотой, круглыми очертаниями лица, брюками на подтяжках Рихарт напоминал Карлсона, только в очках, но без пропеллера.

- Так уж и быть: уговорил. – сдалась Инна, усмехнувшись, находя сходство кавалера с литературным персонажем.

- В семь вечера на улице Дзирциема – у медицинского института.

- Ладно. Только давай в восемь?

- Как скажешь, Инна Арвидовна. – обрадовался победе Рихарт.

Херманс вернулся в кабинет в прекрасном расположении духа, что сразу же подметили коллеги.

- Рихарт, что она тебе там накартвила, что ты весь растаял от счастья? – продолжала допытывать мужчину Дита, делая упор на одной особенности Инны: она грассировала на букве «р».

- Поход в хороший ресторан в понедельник, который как известно, - день тяжёлый, - не может не осчастливить. И еще: нахожу дефект речи Инны Арвидовны довольно милым. – ловко парировал Херманс. Этот разговор не мог не услышать Петерис. Он не подал вида, что был уязвлён. Однако, в душе Жентиня всё кипело: пьяный сон оказался вещим – теперь в отношениях с Инной, которые толком не успели завязаться, можно было поставить жирную точку.

Не выдержав напряжения, Петерис вышел в коридор. Добравшись до лестничного пролета, он подбежал к новому автомату с напитками. Сунул в щель две копейки, машина загудела, зашипела, и выдала стакан газированной минеральной воды. Его Жентинь опрокинул в себя залпом. В этот момент к автомату подошла Инна. Жентинь не вымолвил не слова, будто не замечал девушку. Когда та потянулась к стакану, Петерис опередил ее, и сунул еще две копейки. Очередную порцию газировки он выпил до половины, а остаток вылил себе на голову. С этим он также молчаливо удалился. Определённым было одно: в эти выходные предлагать Инне свидание он не будет.

Глава 3

Вечер понедельника выдался прохладным несмотря на то, что погода стояла ясная – в небе не было ни облачка. В голубизне, наполнявшей город, зажигались первые электрические фонари, загорались рыжие квадратики окон домов. Инна медленно прохаживалась вдоль сквера, пряча зябнущие кисти рук в карманах темно-синей вельветовой куртки. На часах уже было двадцать минут девятого, но Рихарт, назначивший свидание, не появлялся. Скучающая девушка достала пачку «Герцеговины Флор», щёлкнула металлической зажигалкой. Выпустив

изо рта легкий дымок, Инна Пумпур глядела, как белёсые клубы растворялись в небе. Наблюдая за жизнью вечернего города, девушка заметила столпотворение у дверей книжного магазина. Инна решила заглянуть внутрь.

Причиной оживления было то, что в продажу «выбросили» новую партию книг, за которыми охотились жители Советского Союза. Инна и сама мечтала приобрести что-то из Эмиля Золя, а также полное собрание сочинений Экзюпери. Тут, как раз подобное вполне могло продаваться. Инна прошла внутрь, протиснувшись к рядам книжных полок. Толпящиеся покупатели тотчас отстранили девушку, заявив, что на покупку книг авторства Золя, Экзюпери и Дюма нужно предварительно записываться. В доказательство своим словам посетители книжного магазина продемонстрировали несколько мятых листков типографской бумаги, где в числовом порядке перечислялись имена и фамилии людей, стоявших в очереди. На полках стояло несколько новых книг, посвященных истории и культуре индейцев Северной Америки, Мексики и Перу – их тоже оставалось немного, но к ним Инна была равнодушна. На Золя и Экзюпери требовалось сперва записаться, а потом отстоять очередь. Инна покинула помещение книжного магазина ни с чем.

Выйдя обратно на улицу, Пумпур посмотрела на часы: восемь часов, тридцать пять минут: Херманс не появлялся. Она вновь вытащила пачку «Герцеговины Флор», хотела уже затянуться сигаретой, как услышала истошный сигнал автомобильного клаксона.

- Инна! Инна! – выкрикивал мужской голос имя девушки. Та, не успев прикурить, вытащила сигарету изо рта.

- Прости, что опоздал. Давно меня ждешь? – запыхавшись извинялся Херманс, взметнувшийся по ступенькам лестницы книжного магазина.

- Нет: минут пять. – соврала Инна.

Херманс учтиво распахнул переднюю дверь белых «Жигулей» шестой модели, усаживая спутницу на пассажирское сиденье.

- Тут недалеко. – прокомментировал Рихарт, заметив, что Инна озирается по сторонам. Белые «Жигули» бросая свет фар на проезжую часть, щелкая поворотником, круто развернулись, и помчались в сторону Юрмальского проспекта.

Путешествие действительно оказалось непродолжительным: автомобиль остановился на улице Андрея Упита у светящейся неоновым светом крыльцом ресторана. Грузный, но в то же время юркий Херманс мгновенно выскочил из машины, чтобы по-джентльменски распахнуть перед Инной дверь «Жигулей». Взяв спутницу под руку, кавалер повел ее к крыльцу ресторана.

Гостей в этот вечер в заведении было много, но официант усадил Херманса и Пумпур за бронированный за ними столик. Рихарт не врал: меню ресторана превосходило ожидания. Помимо привычных блюд советской кухни, тут был целый раздел балканской кухни с ее трудновоспринимаемыми для латышского уха названиями. Всегда имевший хороший аппетит Рихарт тут же сделал свой заказ аж из нескольких блюд.

- Салат «Шопский»... путалась в выборе Инна

- Советую кебаб: как-то пробовал такое, когда наша делегация была в Югославии. – торопил девушку Херманс.

- Порции такие большие! – удивлялась Инна указанному весу блюд в меню. – Тогда еще пожарскую котлету.

- И один кебаб ей! Обязательно! – приказывал Херманс.

Официантка быстро чиркала заказ в блокноте.

- Пить что будете?

- Компот из инжира! – уверенным тоном произнесла Пумпур.

- Инна! Нужно что-нибудь посолиднее: мы ведь в ресторане! – возражал Рихарт.

- Компот! – настаивала на своём девушка.

- Ладно. Пусть будет по-твоему. – расстроился Херманс.

Инна сняла с себя куртку, положила ее рядом с собой. Опираясь локтями на стол, она опять достала пачку сигарет.

- Ты не будешь против, если я закурю? – спросила девушка, не дожидаясь ответа спутника.

- Кури! – смиренно ответил Рихарт, отворачиваясь от табачного дыма.

- Что нового в мире книг? Тот магазин, возле которого ты стояла, славится хорошим ассортиментом. – начал разговор Херманс.

- То, что я хотела бы приобрести, купить не представлялось возможным – в очередь нужно записываться заранее.

- Дюма? Фейхтвангер? – слышал, что на них буквально охотятся.

- Нет. Я бы была не прочь приобрести что-то из Золя, а еще лучше Экзюпери. Месяц назад прочла «Маленький принц»: честно говоря, для этого пришлось купить целый сборник детской прозы. Совсем не понимаю, почему «Маленького принца» Экзюпери отнесли к разделу детской литературы: ничего детского в этом произведении нет. Такое ощущение, что составители сборника – безапелляционные болваны. Что их побудило посчитать повесть детской? То, что там главный герой – мальчик, а его друзья – лис и жёлтая змейка?

- Рад бы высказать свое мнение насчет Экзюпери, но не читал этого автора. О «Маленьком принце» слышан, но разве что как о модной сейчас детской книге.

- Модной? Хм! Не читала всех произведений этого автора, но отзывами впечатлена. Обидно, что в наш век потребления книга может быть «модной» или «немодной». По-моему, к Экзюпери нельзя применить эти категории. Вот смотри: «модным» его нельзя назвать потому что писателя нет с нами уже тридцать четыре года, «немодным» тоже нельзя назвать – орды людей рыщут по книжным магазинам, записываются в очереди, переплачивают деньги спекулянтам, чтобы заполучить его произведения. Но те темы, которые затрагивает Экзюпери, делает его классиком. Да: именно так: пусть автор жил с нами в двадцатом веке, а не в восемнадцатом или девятнадцатом, как надлежит классику, но со временем мы будем считать Экзюпери именно классиком. – увлеклась Инна.

- Не помню, кто это сказал: «классика – это вечное, запечатлённое в моменте». – скупое отвечал Херманс.

- А ты что читаешь, Рихарт?

- Весьма впечатлен Теодором Драйзером. Всем советую прочесть. Но куда больше люблю самиздат: порой там очень интересные вещи имеются.

В это время Хермансу и Пумпур принесли их блюда. Инна попробовала компот из инжира, и осталась довольна, несмотря на разочарование Рихарта. Он попросил у спутницы пару минут, отлучился, и вскоре явился с четырьмя небольшими рюмками болгарской сливовой ракии.

- Настаиваю! – предложил выпить Херманс, протягивая хрустальный стаканчик девушки. Та, набравшись сил, проглотила терпкую тёмно-фиолетовую жидкость.

- И что же там интересного? Боюсь предположить: Солженицын? Валентин Пикуль? – продолжала разговор Инна.

- Фи! Только не Солженицын! Как член КПСС отношусь к нему критически. Да и зачем не, полулатышу-полунемцу, перечитывать нытьё русского националиста. Разумеется, я представляю себе тот ужас времен диктатуры и культа личности Сталина: моих предков-остзейских немцев выдворили после сорок пятого года. Остаться в СССР было нельзя... - удрученно пояснил Рихарт.

- Извини, что напомнила. Ты говорил, что твои родственники уехали в ГДР.

- Да, это так.

- Но Валентин Пикуль – это сила! – поддержала Херманса Инна.

- Согласен. А что ты скажешь насчет Карлоса Кастанеды? Я тебе не раз советовал почитать его.

- Как-то не собралась для этого. Индейцы, шаманы, ночные тени какие-то... непонятно. Кстати, в этом книжном магазине рядом с мединститутом было много по индейской тематике.

- Это просто замечательно! – воскликнул Херманс, опрокидывая в себя вторую рюмку ракии. Тоже самое он уговорил сделать Инну.

- Как комсомолка, не могу не осудить целеполагание на нереалистичные, призрачные вещи. Какой толк от грёз и галлюцинаций? Это самообман. Вот индейцы живут этим безумием, и эти наркотики являются для них утешением, способом не думать о своей судьбе, отказаться от нее.

- Ты, Инна, смотришь на этот вопрос с идеологической точки зрения. Но если взглянуть чисто с практической? Взять, например, доколумбовые цивилизации Америки. Инки умели делать трепанацию черепа еще до того, как это вошло в привычную практику нашей европейской медицины: а это ведь не так давно – операции на головном мозге до второй мировой войны почти что не проводили. А майя и ацтеки – так это кладёз для фармации! Как мало мы знаем о лекарствах древних индейцев, а сколько еще не узнаем! Проклятые испанцы! Чёртовы религиозные фанатики! – сожалел Херманс.

- Лекарства, направленные на лечение или наркотики, созданные, чтобы погрузить человека в мир грёз? На мой взгляд Кастанеда пишет только лишь о колдовских культах, навешанных наркотиками, но никак не о народной медицине коренных жителей Америки.

- Как фармаколог, причём имеющий научную степень, ответственно заявляю: наркотики, как и любые другие лекарства могут быть, как и ядом, так и снадобьем. Разве мы не используем наркотики для того, чтобы усыпить человека на операционном столе или для облегчения боли, умирающего от рака?

- Ты – медик, тебе виднее.

- Приведу пример... Индейцы майя использовали как наркотик гриб под названием теонанакатль. Он для них был священным, его даже называли «плотью богов». Действие этого гриба носило галлюцинаторный характер. Но дело не в этом: самое интересное то, что порой после употребления этого снадобья индейцы наблюдали коллективные видения, узнавали будущее и сокрытые вещи. Сейчас поясню: употребив гриб теонанакатль, можно было найти потерянную вещь – ты ее саму и место нахождения видел в грёзах. А еще можно было узнать тайны другого человека: они телепатически открывались перед колдунами майя.

Инна даже поперхнулась своим шопским салатом: тотчас она вспомнила Петериса, который откуда-то узнал, какой нудистский пляж она посещает. Уж не «мексиканский шаман» ли он?

А еще европейские колонизаторы описали, что индейцы Новой Испании знали некое растение – траву под названием коатльшошоуки, которое дает семя – ололиуки... это что-то вроде мексиканских цветов, похожих на наши колокольчики... Так семена этого растения использовались в чёрной магии. Питье отвара из семян ололиуки вызывало необычайно яркие, кошмарные сновидения, а если съесть семена, то можно и вовсе сойти с ума.

- Чёрная магия? Получается, что «порча» суеверных людей – не что иное как безумие, вызванное употреблением токсинов.

- А цветы пипильцинтли? Индейцы масатеки использовали их еще каких-нибудь двадцать лет назад.

- Но, зная действие таких штук, можно же манипулировать людьми в своих целях? Что, если твой Карлос Кастанеда сам стал жертвой экспериментов своих «учителей»?

- Во всяком случае ему это пошло на пользу. – ответил Рихарт.

В это время пришла официантка, новых заказов не было, поэтому Херманс попросил рассчитать.

- Стать зависимым от каких-то дурманных колокольчиков ты считаешь успехом? Целая человеческая жизнь и судьба оказывается в зеленых путях придорожной травы.

- Я тоже не сторонник наркотиков, но для Кастанеды делаю исключение: не свяжи он жизнь с мексиканскими шаманами, не стал бы он всемирно известным автором.

Вернувшаяся официантка вернулась с кожаной книжечкой и чеком. Херманс спешно вытащил его и потянулся за бумажником.

- Сколько с меня? – спросила Инна, начавшая искать кошелек в своей сумочке.

- Не стоит трудов. – ответил ей Рихарт, положивший в книжечку официантки пятирублевую купюру.

- Допустим, я наела на два пятьдесят. – считала вслух Инна.

- Так у вас отдельный счет будет? – уточнила официантка.

- Раздельный.

- Инна! – окоротил спутницу Рихарт.

- Она шутит. – обратился он к официантке.

- У меня свои деньги есть. – настаивала девушка, положив в книжечку два рубля пятьдесят копеек.

- Не поняла вас. – продолжала официантка.

- Я уплатил за нас обоих! – утвердительно заявил Рихарт.

- Тогда пусть два пятьдесят будут чаевыми. – не унималась Пумпур. Официантка, получившая по-щедрому, поспешила удалиться.

- Как поздно уже! Я тут недалеко живу – на улице Терешковой. – поглядев в окно про-изнес Херманс.

Утерев губы салфеткой, Инна ответила:

- Будем считать, что это между нами произошло.

- Ты о чём? – всполошился Рихарт.

- Ты же на это рассчитывал? Не думала, что я стою два рубля пятьдесят копеек. – загоралась гневом Инна.

- Что на тебя нашло? Что за вздор ты говоришь? – негодовал Херманс.

- Килограмм свинины... - злобно шлепнула салфетку об стол девушка и начала натягивать на себя куртку.

- Я подброшу тебя... - начал тоже собираться Херманс.

- Не надо! Можешь фантазировать о ночи со мной сколько хочешь – твоё право!

- Ты из-за этих дурацких денег? Ты обиделась, что я заплатил за тебя? Но как же правила приличия?! – недоумевал Рихарт.

- Свои мещанско-буржуазные «приличия» можешь оставить для ренегатов-домохозяек! А еще коммунист! Патриархал! – говорила Инна, поднявшись из-за стола.

- Ты с ума сошла! – расстроился итогом свидания Херманс.

- С ума сошла потому, что не захотела быть равноценной килограмму свинины?

- При чем тут свинина?!

- Килограмм свинины стоит два рубля пятьдесят копеек. Ровно этой суммой ты хотел подкупить меня. Развратник!

Обиженная патриархальным поведением спутника Инна поспешила покинуть ресторан. Выйдя на улицу, она достала пачку сигарет, закурила. Менее чем через минуту она подбежала к автомобилю такси. Водительская дверь оказалась не заперта, двигатель работал – видимо, шофёр был где-то неподалеку. Девушка бросила куртку, пачку сигарет и зажигалку на переднее пассажирское сиденье, сняла машину с ручного тормоза, включила первую передачу, и, с силой нажав педаль газа, угнала таксомотор. Шофёр не успел: выбежав из ресторана, он замахал руками, но его «Волга» уже успела скрыться за углом.

До микрорайона Иманта, где жила Пумпур, легче всего было добраться по Юрмальскому проспекту, но Инна ехала в противоположном направлении. На большой скорости, игнорируя знаки светофоров, девушка гнала по ночному городу украденную «Волгу». Пролетев

по мостам, перекинутым через золотисто-воронье воды Даугавы, Пумпур оказалась в залитой неоновым светом правобережной части Риги. Мелькали огни фонарей, фар проезжавшего потока автомобилей, мерцали под черным небом шпили старинных соборов. Угнанное такси резко переставало с полосы на полосу широкого полотна улицы Горького. Перепуганные неадекватным поведением женщины-водителя автовладельцы, высовывались из окон, что-то ей кричали, грозились кулаками. Девушка как будто не замечала их. Она, едва увернувшись от троллейбуса, ехавшего по встречной полосе, свернула на улочку Дзирнаву. Там в темноте навстречу «Волге» выскочила какая-то женщина. Не дожидаясь согласия водительницы, она плюхнулась на заднее сиденье машины, обняв руками свои сумки.

- Мне на улицу Андрея Упита.

Инна вновь двинула рычаг коробки передач, и выехала на улицу Горького.

Пассажирка удивилась, что таксист – девушка.

- Честно говоря, первый раз вижу, чтобы в такси работала женщина. Но вы ведь так еще молода! Интересно, что вас сподвигло на выбор такой профессии? Я понимаю, если бы вы водили троллейбусы или трамваи, то такси! Работа в такси это такое мужское! Впрочем, чему удивляться? Это в мои молодые годы было всё довольно определено. В довоенной Латвии было всё предельно понятно: мужчины занимались своими мужскими делами, женщины сидели по домам, кашеварили и воспитывали детей. С тех пор, как пришли русские – всё перевернулось: женщины работают в такси, мужчины на ткацких фабриках. Дамы дошли до того, что брюки стали напяливать! – сожалела пассажирка, упомянув женские брюки, заметив такие на водительнице

Инна ничего не отвечала, и продолжала остекленевшим взглядом смотреть на дорогу.

- Вы, кажется, забыли включить счётчик. – робко произнесла женщина, заметив, что счётчик не отсчитывал цифр – он просто не был включен.

- Девушка! Товарищ водитель! С вами всё в порядке? – испугалась пассажирка, похлопав Инну по плечу.

- У меня проездной. – ответила Пумпур, обернувшись к женщине. Вид девушки был настолько странным и пугающим, что, учитывая все обстоятельства, ее можно было принять за ночную ведьму.

- Еще немного и направо. – заикаясь, бормотала женщина, вдавившись в сиденье «Волги», глядя как порывы ветра из приоткрытого окна развеивали волосы Инны.

- Теперь сказали по-другому. – странным голосом ответила Пумпур, не оборачиваясь на пассажирку. Женщина боязливо посмотрела в салонное зеркало «Волги»:

«Отражается! Значит, не вампир! Но точно колдунья!» - подумала про себя женщина, увидев в отражении страшные, ярко-зеленые глаза девушки-шофёра.

- Мы проехали! Остановите! Остановите тут! – умоляла пассажирка, поняв, что ведьма везет ее не туда. Женщина не находила себе места, ерзала, оглядывалась по сторонам, крепко сжав рукой ручку двери.

Инна выжала педаль сцепления и тормоза. Таксомотор остановился у чернеющей в ночи лесопосадки.

- В Сахаре сорок градусов выше нуля, осадков не наблюдается... курс доллара – не советский рубль. Едем в управление Внешторга. – менторским тоном, будто гипнотизируя пристальным неморгающим взглядом, диктовала пассажирке Инна какую-то ерунду.

- Святая Мария! Сладчайший Иисус! – не переставая креститься, выбиралась из машины перепуганная женщина. Она бежала по тротуару вдоль лесопарка, держа свои сумки в обеих руках, словно ведра. В это время мотор «Волги» заревел, и таксомотор сдал назад. Женщина от ужаса закричала, когда поняла, что ночная ведьма всё же решила настигнуть жертву.

- Святая Мария! Святое сердце! – вопила женщина, которая попала с средневековый ужастик, живя в СССР, стоявшем на пороге «эпохи развитого социализма».

Между тем Инна выбралась из салона «Волги», и твёрдо шагая каблуками башмаков, в одной легкой лимонно-желтой блузе и синих расклешенных брюках, держа в руках сумочку, молча скрылась в черной чаще лесопарка, треща сучьями деревьев.

«Определенно ведьма!» - подумала наблюдавшая за ней женщина, и, перекрестившись, помчалась к оживленной части Юрмальского проспекта.

Ласковое теплое утро светило в окна квартиры. Инне не хотелось просыпаться. Вдруг раздался треск телефонного звонка. Девушка нашла в себе усилия, поднялась с дивана. Необычайная слабость разливалась по ее телу, ноги вихляли из стороны в сторону, голова казалась чугунной. Телефон замолк. Инна подняла трубку – на другом конце провода только гудки. Посмотрев на часы, женщина ужаснулась – было уже десять с половиной часов: она проспала, и теперь наверняка на работе искали ее – неспроста же этот звонок. Начиная лихорадочно собираться, Инна пыталась вспомнить обстоятельства вчерашнего дня, но чугунная голова никак не делилась воспоминаниями. Также Пурпур никак не могла понять куда пропала ее куртка, и почему она легла спать, не раздеваясь.

Уже выходя на улицу, Инна заметила на крючках возле входной двери странную связку ключей. Она взяла ее в руки, оглядела: это явно были ключи от автомобиля. На увесистом брелоке была надпись: «Рижский таксомоторный парк №2. Госномер 1108ЛА».

Откуда у нее могут быть ключи от автомобиля такси? Девушка ничего не могла вспомнить, кроме того, что вечером была в ресторане на улице Андрея Упита вместе с коллегой по работе Рихартом Хермансом. Но сейчас не время воскрешать воспоминания – Инна спешила на работу. На удачу довольно быстро подошел троллейбус, девушка запрыгнула внутрь. Усевшись в правом ряду у окна, она продолжала вспоминать что же всё-таки произошло вчерашним вечером? Херманс пытался ее подкупить, оплатив счет в ресторане, а потом зазывал домой. Но что потом? Ведь проснулась она не у него дома, а у себя: но как добиралась – не помнила.

Троллейбус отъехал от микрорайона Иманта, и курсировал по остановкам, расположенным вдоль Юрмальского проспекта. У ботанического сада Рижского университета царило оживление: милиция и зеваки кружили рядом с автомобилем такси. Девушка заинтересовалась. Беглым взглядом она заметила, что госномер на «Волге» был точно такой же, как и на той загадочной связке ключей. Инна еще раз достала находку из своей сумки – ошибки не было: номера на машине и на брелоке совпадали. Пурпур вышла на этой остановке.

- Всё видали, но такое! Уже дошло, что женщины стали автоугонщиками! – резонерствовал какой-то пенсионер, в то время как милиционеры осматривали «Волгу».

- Эту машину угнали? И вора уже нашли? – поинтересовалась у него Инна.

- Да разве! Таксист утверждает, что эту машину у него угнали вчера вечером у ресторана на улице Андрея Упита – тут недалеко. Только вещи какие-то странные – воры ничего не украли из салона, а сам таксомотор бросили за углом. Милиция говорит, что за рулем была женщина – ее куртка осталась на переднем пассажирском сидении. А в кармане сигареты «Герцеговина Флор» и металлическая зажигалка с выгравированным цветком: явно же не мужская.

Милиционеры действительно разглядывали найденную в салоне автомобиля синюю вельветовую куртку. Инну сразу бросило в жар: выходит, это она вчера угнала эту «Волгу». Как, если она только учится в автошколе, и толком водить автомобиль не умеет? Зачем? Почему она этого не помнит?

- Да хватит уже! Если бы действовали настоящие автоугонщики, то и сейчас бы искали эту машину. А это хулиганка какая-то решила пошалить – ничего из салона не взяла, а автомобиль бросила за углом. Оформляй как «хулиганку». – давал распоряжение лейтенант ГАИ.

Инна облегченно выдохнула: теперь по ее душу не будет интересоваться уголовный розыск – и на том спасибо. А куртка, сигареты и зажигалка – да чёрт с ними!

С этой мыслью девушка вернулась к автобусной остановке. Теперь нужно еще что-то делась с разразившимся скандалом на работе из-за ее опоздания.

Глава 4

Анатолий Павловский – начальник научно-экспериментального отдела министерства медицинской промышленности Латвийской ССР тот воскресный выходной проводил со своими друзьями в кабаре у площади Фабрициуса. Резвые официанты бегали между столиками, бармены мешали коктейли. Гости заведения неторопливо беседовали, ждали обещанного представления танцоров-иллюзионистов. Павловский, сделав несколько глотков освежающего светлого пива, откинулся на спинку стула и достал пачку сигарет.

- На работу даже идти не хочется. Эти два придурка истрепали мне нервы. – досадовал Павловский.

- Ты всё об этих чудиках, Толик? – переспросил мужчину его знакомый – молодой рослый таксист.

- Всё о них, Андрей: о Хермансе и Жентине. Всю пятницу они истерили насчет того, что я вычеркнул их из списка делегации в Финляндию. Теперь они за выходные накрутят себя еще больше, и с удвоенной силой примутся меня третировать. Какие же они бестолковые типы! Один ищет возможность защитить докторскую диссертацию, но при этом занимается каким-то шарлатанством. Кому нужны на Западе его растительные успокоительные? Кого он собирается удивлять усовершенствованной версией валерианы? Лучше бы занялся синтетическими антидепрессантами, о чем я ему постоянно твержу, но толку! В итоге наша промышленность проигрывает: Запад уверенно вырвался вперед в создании антидепрессантов.

А Жентинь! Прицепился к своим антигистаминам: препаратов этого класса – море! Если уж его так пропёрло на этой теме, то куда более актуальными и передовыми в научном плане были бы иммунологические препараты. Взять хотя бы методики лечения банальных простудных заболеваний: как мало мы касаемся в этом вопросе темы профилактики респираторных заболеваний и способам повышения иммунитета у уже заболевших. А рак? Онкологические заболевания имеют под собой фундамент поломанного иммунитета – разве это не поле для исследований?

- Слыхал про антидепрессанты. Ерунда какая-то: конфетки для настроения. Нам, советским людям, такое не к чему. Но почему для той же Финляндии нельзя разрабатывать такие штуки, Толь? – поддерживал беседу Андрей.

- Клинических исследований в этой области мало. К тому же все они происходят в университетской психиатрической клинике: это значит, что лекарства Херманса если и пройдут в производство, то будут использоваться сугубо для всяких запущенных психов. На Западе востребованы антидепрессанты другого типа – амбулаторные, прием которых не требует наблюдения в стационаре и не лишает человека трудоспособности.

- Антигистамины – это противоаллергические средства? В таком случае я отношусь к этим разработкам сугубо положительно, ибо сам аллергик. Вот что намешали в этом вермуте? Травы какие-то... не рискну подобное выпить без таблеток. – говорил Андрей, подняв вверх рюмку зеленовато-желтой настойки с ярким травянистым запахом.

- В этом и есть гвоздь вопроса: у нас в Союзе не доверяют каким-то «конфеткам для настроения», полагаясь на «волшебный пендель». – деловито, с заметным латышским акцентом, пояснила подруга Андрея – Агния.

- Именно: пинка под зад нужно давать почаще – тогда и хандра оставит человека. А то навыдумывали лекарств для поднятия настроения... Пропесочка грустных – вот лучшее лекарство! – с уверенностью специалиста высказывал свое мнение Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.